
ПОЛЕМИКА С А.И. СОЛЖЕНИЦЫНЫМ НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛА «СИНТАКСИС»

А.В. Денисенко

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

Статья посвящена роли и месту полемики, развернувшейся на страницах эмигрантского журнала «Синтаксис» между А.И. Солженицыным и представителями творческой интеллигенции русского зарубежья. Занимавший либеральную позицию журнал отстаивал право художников разных убеждений на выражение своих взглядов относительно жизни в Советском союзе и за рубежом, в том числе и на понимание задач русской литературы. В статье представлен широкий спектр мнений, высказывавшихся различными авторами журнала — от резкой критики автора «Архипелага Гулага», упреков в «авторитаризме» и «жестком морализме» до признания относительной правоты «вермонтского изгнанника», выстрадавшего свою художественную истину.

Ключевые слова: журнал «Синтаксис», А.И. Солженицын, художественная критика, русская литература, эстетическая позиция

Журнал «Синтаксис» на всем протяжении своего существования был печатным органом, объединявшим тех (и не только из числа русских эмигрантов), кто стоял на той же общественно-политической платформе. Существенно, что в «Синтаксисе» последовательно осуществлялся принцип плюрализма мнений, соблюдение которого не приводило к размыванию утверждавшихся журналом взглядов. Здесь объяснение чрезвычайно важного обстоятельства: у «Синтаксиса» был свой, отличавшийся резкой определенностью голос. Оппоненты говорили о его провокативности, склонности к парадоксальности выражения мысли и т.д., но вместе с тем он обладал полифоничностью. Соединение двух этих начал в значительной мере определяло облик журнала, не затерявшегося среди других изданий русской эмиграции. Особое место уделялось в «Синтаксисе» полемике с А. Солженицыным: наиболее крупный современный русский писатель (с этим соглашались и все его оппоненты, и даже противники) являлся *эмигрантом*, но его позиция — и положение! — едва ли не во всем полярно противоположна той, которую занимают авторы редактируемого супругами Синявскими журнала.

Оговорившись, что эмигрантом в подлинном смысле этого слова назвать А. Солженицына нельзя (и выброшенный с родной земли, он жил только ею), заметим, что это был голос свободного человека, решительно не соглашавшегося подчиняться господствовавшим в советской стране идеологическим догмам и диктуемым ими правилами творческого поведения. Собственно, об этом охотно говорилось представителями диаспоры, но голос каждого из них звучал (по разным причинам) совсем не так, как у «вермонтского отшельника».

Эстетическая позиция А. Солженицына, который, по словам А. Синявского, «монополизировал истину, и любовь к России монополизировал», получила в журнале резкую оценку. Как говорится в статье соредактора «Синтаксиса»,

«в условиях прижизненной канонизации Солженицына утверждается, что всякий, решившийся оспорить его, выступает не только против России и русского народа, но идет против воли самого Господа Бога» [8. С. 17, 31]. Мысль эта повторится неоднократно:

...Солженицын обожествился и самообожевался с Россией, и потому любое слово поперек ему, Солженицыну, рассматривается теперь как опорочивание России [9. С. 201].

В непримиримом споре сталкивались не два оппонента, у каждого из которых своя позиция, а разные представления не только о путях развития России, но и о месте и назначении искусства/художника, о формах его участия в общей жизни. Обращаясь к А. Солженицыну, А. Синявский упрекал его за *тон* его слов «пророка и моралиста»: «Ваша склонность и талант учить всех и каждого, как подбаивает жить, беря с Вас пример, независимо от логики, от смысла», в стремлении к «авторитарности», в желании утвердить себя «как стимул, как личность, поучающую единицы, народы и государства» [7. С. 31]. И такая оценка позиции А. Солженицына разделялась другими авторами «Синтаксиса». «Александр Солженицын — странная фигура в современном мире, — пишет А. Кленов. — Его считают чем-то вроде пророка, да и сам он, кажется, уверовал в свое пророческое призвание» [2. С. 54].

Право на пророчество (хотя это слово по отношению к А. Солженицыну и его позиции требует по меньшей мере специальных оговорок и разъяснений) писатель поистине выстрадал — с этим соглашается и А. Кленов, говоря о его мужестве. Этим обусловлена позиция и тональность написанного А. Солженицыным: плюрализм воспринимается им как явление крайне отрицательное, тогда как для авторов «Синтаксиса» это свидетельство «разнообразия идей и мнений» (А. Синявский) является необходимым условием развития общества в целом и литературы в частности. Вот почему столь резко говорит А. Синявский о стремлении А. Солженицына выступать «в роли пророка русского “религиозного возрождения”, стремящегося утвердить “единоначалие в области мысли и культуры” и даже — “новый религиозный деспотизм”» [6. С. 22, 23]. В стоящем на близких «Синтаксису» позициях журнале «Трибуна» тоже говорилось о «неистовстве и нетерпимости» великого писателя, которому напоминалось о том, что «если Бог один — то вер много. Любая из них перестанет быть до конца истинной, как только претендует на свою исключительность, доходит до фанатизма» [11. С. 22].

Если оставить в стороне полемическую резкость тона, то можно заметить, что в «Синтаксисе» достаточно верно характеризовали, но, что называется, на дух не принимали стремление А. Солженицына убедить своего читателя в истинности именно тех ценностей, в которые верит он сам, убедить в том, что истинно верен лишь тот путь развития, который предлагается им. Но ведь, как признавал полемизировавший с ним А. Кленов, в традициях русской литературы лежит стремление к «чудесному правдоподобию», но еще — к «учительской тенденции», а коли так, то именно А. Солженицыну «принадлежит бессмертная заслуга возрождения русской литературы» [2. С. 56].

О причинах достаточно резкого неприятия позиции А. Солженицына, пожалуй, наиболее отчетливо было сказано в адресованном ему письме Л. Копелева

(послужившего прототипом одного из главных героев романа «В круге первом» Льва Рубина): написанное 30 января — 5 ноября 1985 г., оно было тогда же отправлено адресату, а копии — С. Бабенышевой, В. Некрасову, Ж. Нива, Е. Эткинду, Т. Литвиновой, П. Литвинову, В. Трубецкому, но увидело свет лишь после смерти автора в 2001 г. Автор письма обвиняет А. Солженицына в том, что тот из художника «превращается в пропагандиста, в иллюстратора», не доверяя своим современным и будущим биографам, «решил сам сотворить свой миф, по-своему написать свое житие». После «Глыб» «стал обыкновенным черносотенцем, хотя и с необыкновенными претензиями», воспринимает любое несогласие с ним «как святотатство, как посягательство на абсолютную истину, которой владеешь ты и, разумеется, как оскорбление России...» Вывод: в написанном А. Солженицыным в последние годы «преобладают ненависть, высокомерие и несправедливость... глубочайшее презрение к русскому народу и к русской интеллигенции», в основе которого лежит «метафизический национализм» [4. С. 92, 94, 97, 98, 101].

Как известно, спор о том, что есть истина, ведется с незапамятных времен, обретая особую остроту в переломные в жизни человечества (народа, государства, отдельного человека) моменты или эпохи. Но именно такой была эпоха, о которой идет здесь речь: истина из разряда отвлеченных категорий перешла в сферу насущных интересов всех, кому довелось жить в это время, — от того, каким будет ответ на этот вопрос, зависела судьба каждого человека. Но тут встает и другая — совсем не простая — проблема: кто и на каком основании вправе утверждать, что он владеет истиной или хотя бы знает, какие пути ведут к ней. Стоит добавить также, что в естественных науках субъект и объект в процессе познания разделены, и это может служить основанием для выхода к подлинному знанию, тогда как в гуманитарных науках (к ним относится история журналистики и история литературы), а тем более в литературной практике субъект и объект в той или иной степени взаимопроникают: субъективность является в этом случае неотъемлемым свойством познания. В еще большей степени справедливо это по отношению к такому специфическому средству познания, каким является искусство (литература). Разумеется, у художника (писателя) свои способы исследования жизни, позволяющие выявить ее основные черты, сказать о путях ее исторического развития. В концентрированном виде адресованные А. Солженицыну упреки выражены А. Кленовым:

Новой историей он недоволен. Надо повернуть историю вспять, устроить новое средневековье, но желательно без татар. И если допетровская Русь не была так хороша, как хотелось бы, то почему бы не сделать ее совсем хорошей, подлинно допетровской? То есть взять тот же прогресс, но повернуть его назад.

Он не верит в будущее, мечтатель, проживающий в штате Вермонт. Он пытается переиграть былое. Живые люди, населяющие Россию, его раздражают. Иные ходят в церковь, но он не видит в них веры. Говорят, они так же, как он, но он знает, что они лгут. Другие в церковь не ходят, и он не видит их веры. Он не слышит их правды, никакой правды, кроме своей. Пророческого дара в нем нет. Он не видит, не внемлет и не живет грядущим. Он утопает в прошлом. И я думаю, что ему очень плохо [4. С. 88].

Даже весьма благожелательно относившийся к «Синтаксису» рецензент «Русской мысли» оценил эту статью как возмутительную, грубую по тону и бездока-

зательную по сути. «Кленову явно хочется занять место Герострата в русской литературе, — сказано в рецензии. — В русской эмиграционной прессе редко встречаются столь несерьезные работы... Ни уважения к писателю, ни профессионального умения работать с источниками у Кленова нет», и потому из-под его пера выходит лишь «довольно развязный пасквиль» [1. С. 12]. Впрочем, упреки — не столь резкие по тональности — в адрес А. Солженицына на страницах «Синтаксиса» встречаются очень часто, порою речь заходит даже об иллюстративности его «периферийных героев», об ослабленности «идеологической ретушью» «групповых портретов», о благодности выводимых им крестьянских лиц [3. С. 194]. Позиция А. Солженицына, которая подвергалась критике в «Синтаксисе», не устраивала и тогда, когда он чрезвычайно высоко оценивал современную «деревенскую» прозу:

Такого уровня во внутреннем изображении крестьянства, как крестьянин чувствует окружающую свою землю, природу, свой труд; такой ненадуманной органической образности, вырастающей из самого народного быта; такого поэтического и щедрого народного языка, к такому уровню стремились русские классики, но не достигли никогда: ни Тургенев, ни Некрасов, ни даже Толстой. Потому что они не были крестьянами. Впервые крестьяне пишут о себе сами [10. С. 284].

С этим решительно не согласен А. Синявский:

Версия Солженицына несколько напоминает теорию Пролеткульта, согласно которой новую, пролетарскую литературу должны создавать сами пролетарии, которые лучше чувствуют родной завод и станок, чем какие-нибудь интеллигенты-попутчики.

И, напомнив о Клычкове и Есенине, язвительно заметил:

Нет, не впервые крестьяне пишут о себе сами. Но впервые мы слышим, что за несколько последних лет советские крестьянские авторы обогнали классиков в изображении деревни. Куда там какой-нибудь Глеб Успенский, Чехов, Бунин, если сам Лев Толстой не достал до мужика! [5. С. 151, 152].

Вне зависимости от того, кто из участников этой дискуссии более прав, заметим, что спор этот — по существу: в «Синтаксисе» А. Солженицына упрекают — справедливо или нет? — в предпочтении при изображении жизни и человека правде концепции:

Четкая привязка к местному, в отличие от общегосударственного и общенационального, позволили бы устранить и самые одиозные черты доктрины Солженицына [12. С. 160].

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Андреев Г.* «Синтаксис» № 13 // Русская мысль. 1985. № 3575. 28 июня.
- [2] *Кленов А.* Видь и внемли // Синтаксис. 1985. № 13.
- [3] *Коган Э.* Колеса и тормоза истории // Синтаксис. 1985. № 14.
- [4] *Копелев Л.* Письмо Солженицыну // Синтаксис. 2001. № 37.
- [5] *Синявский А.* О критике // Синтаксис. 1982. № 10.
- [6] *Синявский А.* Ответы на вопросы газеты «Монд». (По поводу выхода книги А. Солженицына «Наши плюралисты» по-французски // Трибуна. Нью-Йорк, 1984. № 5. Январь.
- [7] *Синявский А.* Открытое письмо А. Солженицыну // Синтаксис. 1991. № 31.

- [8] *Синявский А.* Солженицын как устроитель нового единомыслия // Синтаксис. 1985. № 14.
- [9] *Синявский А.* Чтение в сердцах // Синтаксис. 1987. № 17.
- [10] *Солженицын А.* Интервью с И.И. Сипиэтом В.В.С. (февраль 1979 года) // Вестник русского христианского движения. Париж—Нью-Йорк—Москва, 1978. 1У. № 127.
- [12] *Шелковский И.* На молоке обжегся — на воду не дуй... // Вестник русского христианского движения. Париж—Нью-Йорк—Москва, 1978. 1У. № 127.
- [13] *Шамир И.* Третья волна, или Улисс и Циклов // Синтаксис. 1985. № 15.

CRITICAL CONTROVERSY WITH A.I. SOLZHENITSYN AT THE PAGES OF “SYNTAX”

A.V. Denisenko

People's Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 6, Moscow, Russia, 117198

The article reveals a controversy which took place at the pages of Russian Literary magazine “Syntax” at the middle of 1980-th between A.I. Solzhenitsyn and Russian intellectuals abroad. The magazine took a liberal position and defended a right of righters to express their own views on various facts about life in Soviet Union and abroad, among them the tasks of Russian Literature. The article presents a wide range of points of view of the critics of “Syntax” — from those expressed sharp criticism to the author of “The Archipelago Gulag”, reproaches against his “authoritarianism” to the recognition of relative rightness of “Vermont exile”.

Key words: magazine “Syntax”, A.I. Solzhenitsyn, art criticism, Russian literature, aesthetic position

REFERENCES

- [1] Andreev G. «Sintaksis» № 13 [Syntax, № 13] // *Russkaya mysl'* [Russian thought]. 1985. № 3575. 28 iyunya.
- [2] Klenov A. Vizhd' i vnemli [See and listen] // *Sintaksis* [Syntax]. 1985. № 13.
- [3] Kogan E. Kolesa i tormoza istorii [Weels and breaks of History] // *Sintaksis* [Syntax]. 1985. № 14.
- [4] Kopelev L. Pis'mo Solzhenitsynu [Letter to Solzhenitsyn] // *Sintaksis* [Syntax]. 2001. № 37.
- [5] Sinyavskiy A. O kritike [About criticism] // *Sintaksis* [Syntax]. 1982. № 10.
- [6] Sinyavskiy A. Otvety na voprosy gazety «Mond». (Po povodu vykhoda knigi A.Solzhenitsyna «Nashi plyuralisty» po-frantsuzski [Answers to the newspaper “Mond”/ regarding publishing a book by Solzhenitsyn “Our Plurality” in French] // *Tribuna* [Tribune]. New-York, 1984. № 5. yanvar'.
- [7] Sinyavskiy A. Otkrytoe pis'mo A.Solzhenitsynu [Open letter to Solzhenitsyn] // *Sintaksis* [Syntax]. 1991. № 31.
- [8] Sinyavskiy A. Solzhenitsyn kak ustroitel' novogo edinomyслиya [Solzhenitsyn as a builder of new Concord] // *Sintaksis* [Syntax]. 1985. № 14.
- [9] Sinyavskiy A. Chtenie v serdtsakh [Reading into the heart] // *Sintaksis* [Syntax]. 1987. № 17.
- [10] Solzhenitsyn A. Interv'yu s I.I. Sapietom V.V.S. (fevral' 1979 goda) [Interview with Sapietom] / A. Solzhenitsyn // *Vestnik russkogo khristianskogo dvizheniya* [Bulletin or Russia Cristian Movement]. Parizh—New-York—Moskva, 1978. № 127.
- [12] Shelkovskiy I. Na moloke obzhegsya — na vodu ne duy... [Milk burned on the water do not blow] / I. Shelkovskiy // *Vestnik russkogo khristianskogo dvizheniya* [Bulletin or Russia Cristian Movement]. Parizh—New-York—Moskva, 1978. № 127.
- [13] Shamir I. Tret'ya volna, ili Uliss i Tsiklop [The third wave, Or Ulises and the Cyclopes] // *Sintaksis* [Syntax]. 1985. № 15.